

УДК 323.22

О политизированной изощренности претенциозных группировок по затушевыванию социальных проблем

Чойропов Цырен Цыдыпович

Доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социальных технологий,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Республика Бурятия,
Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40в, ст. 1;
e-mail: ciren@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена процессу политизации в официальных документах социальных целей и приоритетов. Выявлено противоречие между объективным возвышением социальных потребностей и эскалацией политизированной социальной терминологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Чойропов Ц.Ц. О политизированной изощренности претенциозных группировок по затушевыванию социальных проблем // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 1-2. С. 43-56.

Ключевые слова

Социальные приоритеты, социализация, политизация, затушевывание социальных проблем, политизированная изощренность.

Введение

В статье исследуются противостоящие начала в системе «политизация – социализация» в условиях изменяющегося общества, затушевывание социаль-

ных проблем политизированными группировками, социальная сфера общества как приоритетная проблема его обновления. Работа базируется на критическом анализе современной научной и публицистической литературы по проблемам социальных и политических процессов в России.

Затушевывание социальных проблем

Социальная сфера общества и социальная политика государства, социальная система и структура, интеграция и дифференциация, консолидация и конфронтация, стабилизация и дестабилизация, социальная ориентация и переориентация, эволюция и революция, реформа и стагнация, деятельность и апатия, активность и пассивность, ответственность и безответственность, социальная благотворительность, защищенность, незащищенность, демография, обездоленность, патология; социальные цели и программы, доктрины и платформы, утопии и реалии, потребности и интересы, права и обязанности, приоритеты и стимулы, пособия и гарантии, социальные беды, трагедии, антагонизмы, катаклизмы; социальное управление и самоуправление, прогнозирование и моделирование, равенство и неравенство, обеспечение и страхование, «вспомоществование» и угнетение, здоровье и заболевание, настроение и самочувствие, отчуждение и самоотчуждение... Это отнюдь не произвольный набор существительных и глаголов с общим для них прилагательным. Такими и подобными формулами насыщены наши казенный и житейский словари, а некоторые из них оседают в печально-иронических анекдотах. Но далеко не все они («формулы») находят себе пристанище в самой социальной реальности: больше – негативные, меньше – позитивные (эти чаще всего витают абстрактными идеалами и потому нередко оборачиваются в действительности идолами)...

Обилие социальной терминологии отнюдь не показатель социальной зрелости и культуры общества, его граждан. Если позволительно акцентировать низкий уровень политической культуры, то еще насущнее вопрос об уровне социальной культуры. В нашей реальной жизни то и дело обнаруживаются курьезные, мягко говоря, ситуации: разного ранга официальные персоны, по-

лагающие себя носителями «высокой» (официозной) политической культуры, в действительности оказываются за пределами обычного человеческого уровня культуры социальной. Такое «несоответствие» скорее правило, нежели исключение. Можно даже ставить вопрос об «обратной пропорциональности» в соотношении политизированной и социализированной культуры человека, общества в целом.

Поэтому не случайно в официальных документах социальные цели и приоритеты, как правило, идеологизируются, политизируются. А тем самым превращаются в официозные лозунги, неадекватные социальной реальности и перспективе. Отсюда противоречие между объективным возвышением социальных потребностей (процессом социализации) и эскалацией политизированной социальной терминологии. Это обстоятельство также актуализирует проблему подлинно социальных приоритетов [Кривушин, Чойропов, 2008, 21-22].

Вообще говоря, проблема социальных приоритетов была и есть насущной во все эпохи и периоды человеческой истории. Она «стара» и одновременно «молода», как и само человечество. Тем не менее, необходимо задуматься над специфическими обстоятельствами, обусловившими ее незаурядную остроту в истории нашего общества.

Прежде всего, теперь уже можно констатировать доминирующую линию, своеобразно уникальную и драматическую судьбу, пронизывающую многие десятилетия (трудно указать «начало» и «окончание») жизни нашей многострадальной страны. Это объективное противостояние, имманентное взаимонедоверие трудового народа и властвующего административно-политического аппарата, человека-труженика и чиновника-бюрократа, общественного сознания и официозной идеологии, социальных и институциональных (политико-идеологических) способов бытия людей, процессов демократизации и бюрократизации, социализации и политизации общественной жизни...

Если в таком контексте беспристрастно посмотреть на семидесятилетнюю историю нашего общества в XX столетии, то она предстанет почти непрерывной социальной драмой. Ее истоки и механизм – в противостоянии, можно сказать, в социальной несовместимости трудящегося народа и властвующего аппарата, человека-труженика и чиновника-бюрократа.

Наконец, уже знакомый механизм «политизация-деполитизация» связывает своим круговращением все истекшие десятилетия и претендует на перспективу: круговращение по сценарию многообразных доктрин, порождающее замкнутые круги типа «разрушение централизма – создание централизма – разрушение централизма – создание плюрализма»... «разрушение державы – создание держав – разрушение державы – создание конгломерата государств» и т.д. Круговращение, с одной стороны, принесшее народу неисчислимые человеческие жертвы и неоценимые социальные беды, а с другой – стимулирующее приобретение политических должностей и амбиций, титулов и соответствующих привилегий в системе расщепленного государственного и многопартийного аппарата. Вплоть до расщепления государственного суверенитета и расчленения суверенной власти народа на плавающий набор «формально» и «неформально» властвующих институтов («разделение властей»)...

Словом, остается не понятым и оттого не разрешенным до сих пор (хотя и намерения, и стремления налицо) стародавнее противостояние между народом и аппаратом. Почему? Не потому ли, что это по своей глубинной сути социальное противоречие до сих пор воспринимается (и теоретически, и практически) как сугубо или преимущественно политическое, юридическое?

Ведь за прошедший срок реформ, наряду с наметившимся принципиальным поворотом аппарата власти к нуждам народа, это противоречие (будучи ранее приглушенным, можно сказать, «репрессированным» административно-политическим тоталитаризмом) обострилось прежде всего политически (политизировалось). Оно вышло на авансцену преимущественно в политизированных формах, причем чрезмерно оторвалось от своих глубинных (социальных) истоков и устремилось своей остротой преимущественно к политизированным же целям (предвыборная борьба, выборы, дебаты в представительных институтах и вокруг них, формирование новых партий и т.п.), да и заплуталось в политизированных сетях и хитросплетениях. Как бы застряло, во всяком случае слишком долго задержалось на поверхности глубинных социальных проблем. И плутает то «направо», то «налево», то (измотавшись и растерявшись) пеной уплывает в «центристскую» заводь. То, захваченное очередным политизированным завихрением, попадает в круговорот «политизации-деполитизации»,

так и не углубившись в социальные процессы, не достигнув сущностных социальных целей и результатов.

В состоянии такого же политизированного (поверхностного) плутания и круговращения оказались и пока не выбрались из него как многоступенчатые, «разделенные вдоль и поперек», плюрализованные «верхи» (официальные институты власти), так и многослойные, смешавшиеся и смутившиеся, тоже плюрализованные «низы» (отвлеченный от положительной жизни народ), а также разношерстные, взбаламученные и еще более плюрализованные «плавающие структуры», образовавшиеся из «оползней сверху» и «выбросов снизу» (полунформальные и полужформальные институты).

И очень не просто, а временами невозможно определить направления, ориентиры и приоритеты такого круговорота и блуждания не только «внизу» (т.е. там, где мы живем), но и даже на самой «вершине» многослойной официальной партийно-государственной пирамиды: острие ее шпиля мелькает то «справа», то «слева», то приостанавливается «посередине», а то и вовсе уходит из виду, скрываясь либо в пене политизированного бурления, либо за горизонтом, но все же опять появляясь на очередном гребне неоппадающей пучины и напоминая о себе речами, обращениями, указами... Однако все это продолжает оставаться на поверхности, а то и в «теньях» социальной действительности...

А в покрытых этим пенообразным бурлением недрах общества, в свою очередь, действует «теневогой» механизм «политизации-деполитизации». Дельцы и спекулянты, торгаши и посредники, преступные и иные мини-мафиозные группы как бы тиражируют матрицу поверхностных потоков. Хотя тиражируют своеобразно – воспроизводят негатив: поверхностные плутания воплощаются в плутовстве, круговороты – в эскалации несправедливых накоплений, правонарушений и т.п., порождая социальные последствия, но со знаком «минус». В итоге поверхностные и скрытые механизмы «политизации–деполитизации» парадоксально сцепляются и, работая, казалось бы, асинхронно, создают негативный для общества совокупный результат – «десоциализацию», социальную дестабилизацию и ущербность в многообразных проявлениях. Один из них (поверхностный механизм), изначально настроенный на позитивные цели, тем не менее, «затеняет» своей квази-эффектностью глубинные процессы со-

циальной действительности и ненароком создает условия («прикрывает») для целенаправленной социально деструктивной работы скрытого, по своей природе «теневое», механизма. А социальный итог общий – минусовый. Бумеранг: «тени воспроизводят тени»!

В самом деле, сколько уже за истекшую неординарную «двадцатку» наработано альтернативных и безальтернативных доктрин, концепций, программ и заявлений, законов и постановлений, проектов и экспериментов, сколько сформировано фронтов, ассоциаций и новых партий, сколько произошло движений, митингов и забастовок, сколько было окончательных обещаний и заверений, сколько было нововведений... Но что из всего этого и много другого действует? «Действует», пожалуй, все. Только, как и какие получаются результаты? Вот в чем вопрос.

Социальный кризис принял глобальный и всесторонний характер, разворачивается едва ли не во всех его проявлениях: экономическом, политическом, юридическом... «Пожалуй, единственным реальным хранителем и носителем, способом возрождения и воспроизведения социальности, – отмечали мы, – остается, во всяком случае становится, имманентная и глубинная, сохранившая исторические корни и потому не включившаяся в политизированную суету, – это духовность народа, каждого народа страны. Она-то, глубинная духовность, и является ныне главнейшим социальным источником и способом обновления общества, социализации жизни людей [Чойропов, 2012, 55-56].

Если обратиться, например, к юридическим процессам, то для них в текущий момент характерны две крайности: «правовой нигилизм» и «правовой фетишизм» (преувеличение роли юридических актов, «юридический идеализм»). Обе «крайности» сходятся и образуют тупиковую ситуацию, юридический казус, именно вследствие их взаимоюридизации, не-социализации: законы есть, но они мало исполняются, т.е. не дают положительных социальных результатов (юридический фетишизм); преступность есть, но она мало исправляется под воздействием законов, т.е. положительных социальных результатов опять же не получается (юридический нигилизм). Круг замыкается.

Это можно иллюстрировать эффектами «юридического бумеранга» как «сверху», так и «снизу». Напомним хотя бы амплитуду позиции руководства

страны: в начале реформ – делать все, что прямо не запрещено законом! (юридический либерализм или нигилизм?); позже – всем органам решительно использовать силу закона, решительно преодолеть правовой нигилизм! (противостояние юридическому нигилизму, или юридический фетишизм?) В обоих случаях речь, тем не менее, идет о том, что реформа якобы находится в состоянии «качественных» преобразований общества и что необходимо бороться с антиреформаторскими силами. А «внизу»? В начале тех же реформ не действовали «старые» законы, в конце не действуют «новые» законы. Зато антизакононные действия тогда и ныне налицо.

Это как раз и свидетельствует о том, что юридические законы оказались не социализированными, т.е. не соответствующими законам социальным, и оттого не получили социальной реализации. Так всегда было и будет. А у нас такое является, к сожалению, общим правилом, своеобразным «антизаконом», за редкими исключениями. Зато отрицательные следствия несоциализированных законов неизбежны. Хотя бы потому, что юридические законы всегда высокомерны и претенциозны, стремятся «воздействовать»...

Если, далее, обратиться к экономическим процессам, конкретнее, к рынку, то и в этом явлении натываются одна на другую опять же две крайности: политизация «сверху» и политизация «снизу» – тупиковая ситуация. Плановая система зашла в тупик именно потому, что не была социализированной, т.е. не обеспечивала (хотя патетически провозглашала) социальные приоритеты. Не разделить бы такую судьбу и рынку... Ведь он вводился (!) прежде всего вследствие кризиса плановости, т.е. не на марше, а на отходе, причем после поражения. Однако его «введение» (учреждение) планировалось (именно планировалось!) как атака! Иначе говоря: отступление после затяжного поражения и вдруг – атака?! В такой ситуации атака, очевидно, должна быть мощным контрударом. А какими силами и средствами, насколько проработана операция?

Эти вопросы очень серьезны хотя бы потому, что наличная ситуация побуждает или даже требует применения активных политических действий «сверху». Стало быть, возможен рецидив силового внедрения или навязывания переутомленному обществу очередной политизированной кампании. Ведь опять все это именуется революцией, хотя и мирной. Но насколько она мирная – вопрос.

Отсюда и другой вопрос: социальная она, или политическая, или смешанная? Скорее всего, последний вариант. Только преобладающими оказываются все же опять политизированные методы и средства.

Уж чего-чего, а «политики» у нас хоть отбавляй. Из нее-то мы и не можем никак выбраться на путь эволюционного развития – социального. А резюмирующее суждение «иначе и не может быть» (!) производит прямо-таки удручающее впечатление. Выходит, никаких надежд? Да и то правда (точнее бы – «существующая неправда», говоря словами Маркса): ведь проведение (точнее бы – внедрение) какой-то «линии» только «сверху вниз» есть акция сугубо политическая. Особенно, если учесть, что это фактически означает победу одной политизированной доктрины (точнее бы – группировки) над другой.

Много недоуменных вопросов вызывает амплитуда позиции высшего руководства. Например, предвидело ли оно такие результаты реформ? Ответить на этот вопрос утвердительно, наверное, невозможно (поскольку в противном случае пришлось бы констатировать факт умышленного преступления руководства по отношению к народу). Ну, а если не предвидело, то как оценить роль того же руководства в таких результатах? Тут была бы уместна объективно-критическая самооценка, впрочем, давно уже назревшая. А если такая самооценка наконец последует? Тогда, по элементарной логике, должны последовать и соответствующие действия со стороны именно того же руководства. Наконец, если предполагаемая самооценка не последует, то кто обязан, по логике субординации, дать объективно-критическую оценку тому самому высшему руководству и вынести соответствующее решение? Этот вопрос, пожалуй, риторический...

Впрочем, как раз этот-то, казалось бы, бесспорный вопрос можно очень просто «снять» вовсе. Например, ссылкой на «закомплексованность» страны, на «психологическую неграмотность населения» и, конечно же, на «низкую политическую культуру народной массы» (ее недостаточную политизацию) и т.п. Это уже и делалось средствами массовой информации. Стало быть, эти самые «массы», население, страна довели реформы до такого состояния. К тому же давно известно, что каждый народ заслуживает того правителя, какого имеет (чуть измененная формула Гегеля). И все становится на свои места, да так и остается... [Чойропов, 2014, 165-166].

Тем не менее возникают дополнительные вопросы. А может быть, высшее руководство все-таки хотя бы догадывалось о том, что дело идет к «разложению и дестабилизации»? Или слышало об этом «снизу»? Ведь народ не только «безмолвствовал», но и роптал, и взывал о помощи, а больше стонал и стонет под тяжестью того самого «разложения системы». Скорее всего руководство и догадывалось, и слышало, и видело, однако не уверовало, не расслышало, не узрело... А вот «сегодня» то же руководство констатирует то, что давно уже для всех очевидно и ощутимо. Почему так происходило и произошло (увы, и происходит)?

Не для того ли, чтобы провозгласить: посмотрите-де, в каком «разложённом состоянии» вы, не овладевшие «новым политическим мышлением», находитесь; теперь у вас нет иного выхода, как принять именно эту программу (т.е. очередную безальтернативную)! «Вчера» мы такую программу не предлагали из-за того, что вы, «закомплексованные», ее не поняли бы и тем самым породили бы «трагедию и путаницу в стране», а «сегодня» у вас выбора нет и придется покориться ей, поскольку «завтра» будет уже поздно (вот уж и в самом деле – «а завтра была война»).

Таков или примерно таков сценарий. Но от дополнительных вопросов не уйти: надо ли было руководству доводить общество до такого «разложённого состояния» (или, пусть, наблюдать его движение к этому), дабы преподнести ему «новую программу» (втайне хранимую до этого критического момента)? Иначе говоря, для того ли была затеяна реформа, чтобы довести общество до такого состояния? Ведь оно и накануне реформы было в тяжелом положении! Надо ли было углублять и усугублять кризис кризисного состояния? К тому же на протяжении десяти с лишним лет убаюкивая народ, будто курс взят верный, безальтернативный.

Надо ли было создавать высшую, можно сказать чрезвычайную, президентскую власть с мощными правами и аппаратом, чтобы она маневрировала между многообразными группировками и платформами, переходя от одной к другой, третьей ... и перекладывая ответственность за провалы то на одну, то на другую ... то на региональные органы власти, то на федеральное правительство? А где обязанности и ответственность? На обремененных плечах все

того же по-прежнему согбенного и стонущего народа! Что же до группировок и маневрирующих властей, то – как «с гуся вода»: ведь их претенциозные интересы и права «разделены», распределены и гарантированы (даже в случае замены персон), а обязанности и ответственность, увы, расплывчатые, плавающие, неуловимые...

Десятилетие отмечено знаком политизированной мимикрии – знаком беды для и без того бедствующего народа! Десятилетие (не говоря уже о предшествующих десятилетиях) отмечено знаком устойчиво углубляющегося социального угнетения народа – знаком беды, похожим на социальную судьбу!

Таковы ли должны быть приоритеты реформы? Социальные ли они, или политизированные? Сколько еще надобно стоического человеческого терпения и всепрощенческой терпимости со стороны народа? Как долго высшее партийно-государственное руководство (прежде всего на уровне аппарата Президента) будет продолжать маневрирование в политизированных структурах и манипулирование социальными проблемами?..

Вопросов становится все больше, а ответов все меньше. Впрочем, на отдельные вопросы даются ответы. Однако вопросы (проблемы) – социальные, а ответы (убаюкивание) – политизированные, т.е. камуфлирующие и усугубляющие социальные, человеческие проблемы. Должно же быть едва ли не наоборот. Во всяком случае социальные проблемы могут быть верно поставлены и положительно решены социальными же способами и в социальных же целях. Для понимания такой субординации сути дела не требуется особых дарований. Тем более не требуется большого ума и даже напряжения «здорового смысла» для политизации (т.е. завуалированного игнорирования и усугубления) социальных проблем, вытекающих из объективно-естественной логики самой человеческой жизнедеятельности

Хотя для такой процедуры (вуалирования социальных проблем) необходима политизированная изошренность, натуженность. К сожалению, этим методом пользуются и претенциозные группировки, и власть имущие, и официозные идеологи вкупе с такими же теоретиками. К примеру, стоило лишь появиться в общественном настроении беспокойству по поводу усугубляющегося кризиса и сомнениям относительно издержек реформы, а также критическим суждени-

ям в адрес высшего партийно-государственного руководства, тут же почти все официозные средства массовой информации и форумы запестрели и зазвучали апологетическими страницами и речами о необоснованных «нападках» на реформу и на ее лидеров. Апологетическим публикациям и речам несть числа (когда-нибудь историкам придется немало поработать для их обобщения).

Грустно становится от невольного предположения, что реформа может и дальше продолжаться без социально обоснованной концепции и программы, а политические решения будут иметь ситуационный характер, вытекать из переменчивого соотношения сил претенциозных группировок...

Властвующим и их служителям пора бы уже понять, учитывая уроки истории, что социальные потребности управляемого ими народа находятся не в чересполосице владений политизированных группировок, тронных кресел и не между ними. Но там, где народ живет и работает, несет человеческий «крест» своего общества. Поэтому именно он (народ) может и имеет социальное (до-юридическое) право воспротивиться политизированному манипулированию в пределах своих исконных владений... И не надо торопиться оппонентам с официозно эффектными негодованиями, вроде таких: недоверие реформаторскому руководству, противопоставление народа и власти, антиреформаторщина и т.п. Разумнее задуматься о том, что терпение людей не беспредельно...

Проблему возможного протеста народа аппарат власти мог бы изучать не только в плане вопроса, как его (протест) предотвратить или погасить, но и с противоположной стороны: почему он (протест) может совершиться, но еще не совершился, почему народ так долго несет такие социальные невзгоды и все терпит... Тогда, может быть, и заметнее бы стали именно социальные проблемы: они высветились бы изнутри человеческого бытия и предстали бы без политизированного затемнения...

Только в поисках ответа на тот самый вопрос «почему?» вряд ли надо соблазняться идеологизированными штампами, вроде политическая и психологическая «безграмотность», ленность и не предприимчивость населения, рабская или, напротив, бунтарская «душа» народа... Народ, как и человек, на самом деле – мера всех вещей. Он концентрирует в себе, «берет на себя» все достоинства и пороки своего времени и сам оценивает их. Он как есть таков. И все

ему имманентное проявляет в жизни. И в протесте может проявить, проявить многообразно, а в конечном итоге универсально – социально, т.е. именно как народ (а не как «население», «масса» и т.п.).

Потому-то официально избитая фраза «надо накормить и одеть людей» – пустая и неприличная (это дело самих людей). Вопрос лишь в том, чтобы не мешали этому исконно людскому делу «внешние силы», в том числе политические, идеологические, юридические, морализаторские, торгашеские и т.п. Ибо не они («внешние силы») создают потребительские ценности, не они определяют уровень потребностей и степень их удовлетворения, а сами люди (народ, как и человек, есть мера и этих «вещей»).

Заключение

Трудовому народу и человеку присущи не только утилитарно-потребительские нужды и обязанности, но также и преимущественно социальные, подлинно человеческие, во всем их многообразии (в том числе и утилитарно-потребительские). Словом, призвание, смысл и суть жизни народа и человека – непрерывный и непреходящий процесс социализации, очеловечения в эмпирически неисчерпаемых способах и формах бытия. Этот процесс не должен быть объектом вмешательства и произвола разного рода «внешних сил» – идеологизации, политизации, формальной юридизации, вульгарной экономизации... Хотя народ и отдельный человек, разумеется, осуществляют свою социальную суть, реализуют свое призвание и смысл жизни в различных практических формах – в идеологии и политике, в правоотношениях, экономике и т.д. Однако сущностным критерием и качественным измерителем жизни людей является уровень ее социальности, человечности – социализированности...

Библиография

1. Кривушин Л.Т., Чойропов Ц.Ц. Проблема социального обновления общества: от политизации – к социализации. Улан-Удэ: ВСГТУ, 2008. 234 с.

2. Чойропов Ц.Ц. О действительных и иллюзорных предпосылках социального обновления общества // Вестник ВСГУТУ. 2014. № 4. С. 161-167.
3. Чойропов Ц.Ц. Социальные аспекты трансформации российского общества: приоритеты и проблемы. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2012. 200 с.

On politicized sophistication of pretentious groups concerning veiling of social problems

Tsyren Ts. Choiropov

Doctor of Sociological Sciences, professor,
Department of social technologies,
East Siberia State University of Technology and Management,
670013, 40v Klyuchevskaya str., Building 1, Ulan-Ude,
Republic of Buryatia, Russian Federation;
e-mail: ciren@mail.ru

Abstract

The article deals with the process of politicization of the social goals and priorities in official documents. It reveals a contradiction between the objective elevation of social needs and the escalation of politicized social terminology. People including working ones have not only utilitarian consumer needs and obligations, but also ones that can be considered to be mainly social, truly human, in all their diversity (including utilitarian consumer ones). The author of the article thinks that the vocation, meaning and essence of life of peoples and human beings is a continuous and lasting process of socialization, becoming a real human being in all empirically inexhaustible ways and forms of being. This process should not be subject to interference and arbitrariness of "external forces" of different kinds that include but are not limited to ideologization and politicization, as well as formal juridization and vulgar economization. Peoples and individuals, of course, realize their social essence, pursue their vocation and

bring meaning to their lives in various practical forms, in ideology and politics, in legal relations and the economic sphere, etc. However, the level of sociality, humaneness of life, i.e. socializeness, can be considered to be an essential criterion and a means used for assessing the quality of life.

For citation

Choiropov Ts.Ts. (2015) O politizirovannoi izoshchryonnosti pretensioznykh gruppировок po zatushyovyvaniyu sotsial'nykh problem [On politicized sophistication of pretentious groups concerning veiling of social problems]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 1-2, pp. 43-56.

Keywords

Social priorities, socialization, politicization, veiling of social problems, politicized sophistication.

References

1. Choiropov Ts.Ts. (2014) O deistvitel'nykh i illyuzornykh predposylkakh sotsial'nogo obnovleniya obshchestva [On actual and illusory prerequisites for social renewal of society]. *Vestnik VSGUTU* [Bulletin of East Siberia State University of Technology and Management], 4, pp. 161-167.
2. Choiropov Ts.Ts. (2012) *Sotsial'nye aspekty transformatsii rossiiskogo obshchestva: priority i problemy* [Social aspects of the transformation of the Russian society: priorities and problems]. Ulan-Ude: VSGUTU Publ.
3. Krivushin L.T., Choiropov Ts.Ts. (2008) *Problema sotsial'nogo obnovleniya obshchestva: ot politizatsii – k sotsializatsii* [The problem of social renewal of society: from politicization to socialization]. Ulan-Ude: VSGTU Publ.